

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2020.80.42.012

Женщины – сотрудники органов внутренних дел: к вопросу гендерной трансформации Я-образа

Филиппова Татьяна Витальевна

Старший психолог,
ОПО ФКУ УИИ УФСИН России по Воронежской области,
394049, Российская Федерация, Воронеж, просп. Рабочий, 101б;
e-mail: Tatian.2010@yandex.ru

Ермолаев Виктор Владимирович

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии труда и психологического консультирования,
Московский педагогический государственный университет,
119991, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1;
e-mail: evv21@mail.ru

Аннотация

Все большее количество женщин реализуют себя в рамках профессий, традиционно относящихся к мужским, в том числе в службе в полиции. В статье анализируются исторические и социально-психологические предпосылки службы женщин в полиции. В статье представлены результаты исследования особенностей Я-образа женщин-полицейских. Авторы указывают на проблему трансформации полоролевого поведения и связанных с этим стереотипов, что находит свое отражение в нивелировке граней между мужским и женским в структуре психики личности. Результаты исследования Я-образа женщин-полицейских и женщин, работающих вне силовых структур, демонстрируют тенденцию гендерной трансформации образа женщины и присущих ей полоролевых конструктов. Женщины-полицейские менее склонны идентифицировать себя с традиционными женскими составляющими Я-образа, особенно в профессиональной деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Филиппова Т.В., Ермолаев В.В. Женщины – сотрудники органов внутренних дел: к вопросу гендерной трансформации Я-образа // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 2А. С. 107-117. DOI: 10.34670/AR.2020.80.42.012

Ключевые слова

Органы внутренних дел, полиция, женщины-полицейские, гендерная трансформация, Я-образ.

Введение

Интерес к исследованию гендерных трансформаций Я-образа в современном обществе не только не ослабевает, но и усиливается в связи с процессом глобализации и разрушения традиционных социокультурных норм и представлений, особенно в текущее десятилетие. Уже очевидно, что сила процесса размытия гендерных границ нарастает во всем мире и в полной мере затрагивает Российскую Федерацию.

Достаточно показательным данный процесс проявляется на фоне масштабного привлечения женщин на службу в МВД, Вооруженные силы, УФСИН, МЧС и т. д. при одновременном игнорировании возможных социальных и социально-психологических последствий такого массового набора как для самих женщин, так и для общества в целом. Процесс значительного нарастания набора женщин на службу в полицию свидетельствует об амбивалентности отношения государства к роли и функциям женщины в обществе. С одной стороны, в России, как и в странах Западной Европы, прослеживается тенденция к поддержке самореализации женщин не столько в семейной, сколько в социальной сфере, поощряя стремление женщин к приходу в ранее исключительно мужские профессии, поддерживая имидж и ценность женской самостоятельности и независимости, приоритетную ориентацию на построение карьеры, обретение благополучия, успеха, властных полномочий в службе, бизнесе и государственных структурах. С другой стороны, тревожная демографическая ситуация уже сегодня реализовалась в один из главных национальных проектов для России по укреплению семьи, выплате материнского капитала для повышения деторождаемости.

Основная часть

В контексте фиксируемой амбивалентности по отношению государства к женщинам заслуживают внимания результаты проведенного нами историко-психологического анализа, которые показали, что ранее в России и за рубежом широкое вовлечение женщин в мужские профессии происходило исключительно в период экономических, социальных, геополитических и внутривластных кризисов, революций и войн и преследовало цели отнюдь не способствования личностной самореализации женщин и построению их профессиональной карьеры, а прежде всего «выживания» государства и общества в целом. И эта тенденция была ранее характерна для всего мира. К примеру, в Великобритании женщин на службу в полицию стали принимать лишь во время Первой мировой войны в связи с кадровым «голодом» и необходимостью заместить мужчин, призванных на фронт. С этой целью в стране был создан корпус женской полиции, в который набрали около 4000 женщин для патрулирования улиц, парков и железнодорожных станций [Занина, Петранцов, 2015, 30]. А в Российской империи женщины-полицейские впервые появились в рядах полиции только в 1916 г., когда на фронтах Первой мировой войны складывалась исключительно тяжелая ситуация. Примечательно, что в советской России после Первой мировой войны, череды революций и гражданской войны 1917-1922 гг., сопровождающихся сильнейшим экономическим кризисом, разрухой, голодом, недостатком квалифицированных и образованных сотрудников, женщины появлялись в рядах милиции только в тех случаях, когда была явная нехватка мужчин, и до той поры, пока их дефицит не устранялся. И такая социальная и кадровая политика с набором женщин в милицию кардинально изменилась только с началом Великой отечественной войны 1941-1945 гг., когда в рядах советской милиции служило

примерно 20 000 женщин [Сорокин, www].

Анализ научной литературы убедительно свидетельствует о том, что массовое привлечение женщин к службе в армии и полиции осуществлялось исключительно в военное время. Однако сегодня Россия не находится в состоянии войны или революции. Вместе с тем мы наблюдаем абсолютно выраженную и набирающую силу тенденцию – усиление государственной политики по набору и увеличению количества женщин в правоохранительных структурах и других силовых структурах, несмотря на данные исследования, проведенного Д.Е. Барашевой и Е.О. Мартыненко, о том, что профессия влияет на ряд качеств личности, трансформируя их и формируя тем самым профессиональную пригодность сотрудника. Под такое изменение в полиции и иных силовых структурах обычно попадают такие феминные качества у женщин, как «доверчивость» и «мягкость». Как правило, данная трансформация является одной из частей, составляющих сложный внутриличностный конфликт, характерный для женщин-полицейских [Барашева, Мартыненко, www]. Ведь женщина, где бы она ни служила, стремится чувствовать себя женщиной, так как важнейшим аспектом Я-образа личности является половая, гендерная идентичность, которую определяют как переживание человеком своей соотнесенности с характеристиками пола и ощущение личностью своей целостности и непрерывности во времени, а также понимание и признание этого факта другими людьми [Роджерс, 1994, 88]. Тем не менее в полиции, одной из наиболее опасных профессий, доля женщин неуклонно растет. За последние семь лет, по данным пресс-службы МВД, она увеличилась на 7,1%. И если в 2012 г. женщин среди полицейских было 20,2%, то к концу 2019 г. их стало 27,3%, т. е. более 181 000 сотрудниц [Более четверти..., www].

Данное обстоятельство указывает на брошенный вызов современной теорией гендера традиционным российским нормам и ориентирам, общественным и культурным ценностям в сфере соотношения маскулинного и феминного, обозначая обострение не только социальной и научной проблемы, но и прикладной проблемы. Касаясь терминологического определения «гендера» (gender – социокультурный пол), нельзя не упомянуть, что современные гуманитарные науки не позволяют в настоящее время сформулировать единое и четкое понятие данного феномена [Гредновская, 2007, 5-7].

Научная проблематика вопроса, по нашему мнению, в основном заключается в том, что происходящие социальные и социально-психологические изменения расширяют сложившееся в науке терминологическое поле, основанное вокруг понятия «гендер» [Воронцов, 2008, 86]. Например, в Великобритании, по последним данным британских ученых, насчитывается уже более сотни представителей новых гендеров на основании Акта о признании гендерной идентичности 2004 г. (см. Gender Recognition Act 2004), позволяющего юридически оформлять свой статус лицам с гендерной дисфорией. Приходится признать, что, несмотря на остроту вопроса, гендерная теория является неоднородной, так как в рамках психологических школ исследований гендера, как правило, выделяют три основных научных подхода к описанию и сущности данного феномена: социально-биологический (Р. Столлер) [Stoller, 1968, 133], биодетерминированный (Дж. Мани, М. Даймонд), социально-культурный (М. Мид, Э. Эрикссон, А. Адлер, К. Хорни) [Воронова, 2018, 139]. В то же время в современной социальной психологии рассматриваются три методологические подхода к определению содержания понятия «гендер»: классический, модернистский и постмодернистский. По мнению Д.В. Воронцова, классический подход реализуется на основании биолого-эволюционных представлений о сексуальности, модернистский характеризуется двойственной трактовкой пола как биологического факта и гендера, а именно – как субъективного образа, содержание которого

определяется социокультурными факторами. Постмодернистский подход трактует пол и гендер как два разных способа социального конструирования сексуальности в межличностном общении [Воронцов, 2008, 86].

В итоге понимание женщиной своей идентичности в современной культуре уже не представляется, как ранее, простым и очевидным делом. Если в традиционном и индустриальном обществе женщине для этого не требовалось прилагать каких-либо поисковых усилий, так как существовали определенные модели социализации (традиции, специальные ритуалы, социальные институты), то в настоящее время эти модели признаны постиндустриальным (информационным) обществом неактуальными, а новые не разработаны [Гредновская, 2007, 7-11].

Очевидно, что существующая научная и методологическая неопределенность способствует развитию современной тенденции к расширению понятия гендер, которая не только не указывает четких предельных границ, но и, проникая даже в такие сферы (армию, военно-морской флот, полицию и другие структуры), где раньше единственно важным была только эффективность, переводит научную проблему из управленческой и социальной плоскости в плоскость профессиональную. К примеру, в настоящее время в США во имя соблюдения политкорректности и принципа равенства полов американская морская пехота (т. е. та часть армии, от которой ожидается образцовая боеспособность) отказалась от использования жестких тестов на физическую выносливость для отбора в свои подразделения [Данилов, www].

В силовых структурах России пока еще трудно себе представить смену логики прохождения службы сотрудниками-женщинами в стиле: «Давайте откажемся от выделения отдельных женских нормативов по боевой и физической подготовки ради того, чтобы больше женщин получали очередные специальные звания или краповые береты, не травмируя свою самооценку и самовосприятие более низкими нормативами по отношению к мужчинам». В традициях нашей культуры считается, что уважение к женщинам проявляется максимальной серьезностью в процессе отбора и подготовки тех мужчин, которые будут их защищать. Однако массовое стремление женщин на службу в полицию и другие силовые структуры может не только усилить трансформацию Я-образа женщин, но и поставить этот социально-психологический постулат под сомнение.

Данная проблематика определила направление и цели нашего исследования. Объектом исследования выступил Я-образ женщин, предметом исследования – особенности Я-образа женщин – сотрудников органов внутренних дел. Для достижения цели исследования нами был проведен сравнительный анализ образов Я-реального и Я-идеального женщин- полицейских и женщин, работающих вне силовых структур.

В качестве диагностических инструментов выступили:

- методика М. Куна «Кто Я?», модифицированная В.И. Юрченко [Гуревич, Борисова, 1997, 78];
- проективная методика стереометрического тестирования Е.И. Гарбера и В.В. Козачи [Гарбер, Козача, 1999, 15-21].

Выборку исследования составили 85 женщин-полицейских со стажем работы от 4 до 15 лет в возрасте от 25 до 45 лет, проходящих службу в Главном управлении МВД России по Воронежской области (образование – высшее, средний возраст женщин-полицейских – 32 года), а также 96 женщин, трудоустроенных в сфере менеджмента, образования и социального обеспечения г. Воронежа и Воронежской области в возрасте от 25 до 45 лет (образование – высшее, средний возраст – 35 лет).

В результате исследования было выявлено, что в основном женщины-полицейские описывают себя («Какая я»), используя личностные нейтральные характеристики (43,8% от общего числа характеристик). Следующими по объему оказались маскулинные характеристики (21,7%), а уже потом – феминные характеристики (9,5% от общего числа упоминаний). Наименьшими по представленности оказались социально-демографические характеристики (пол, возраст, род занятий) – менее 2%.

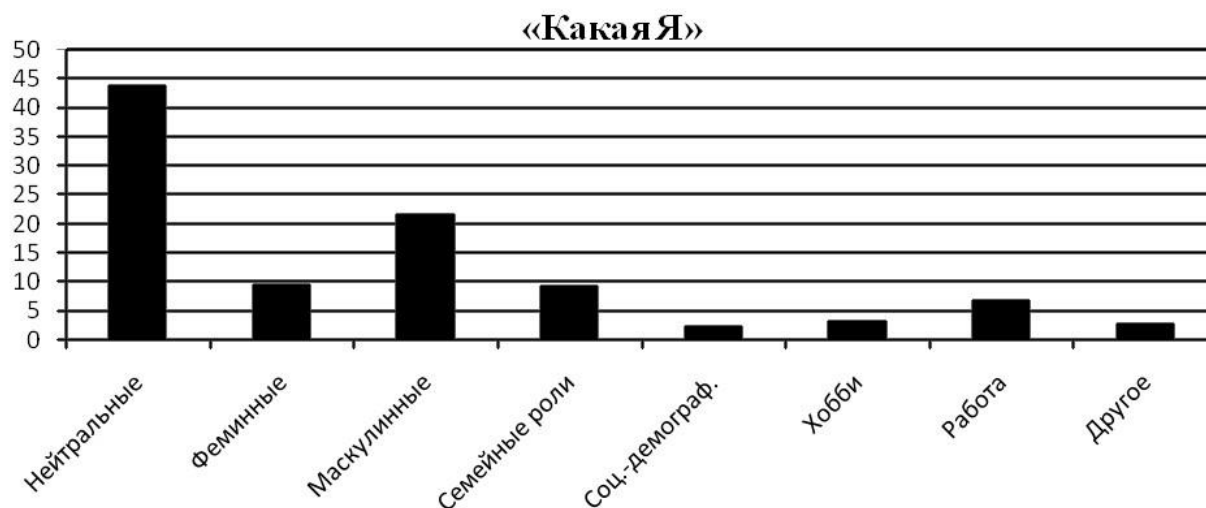

Рисунок 1 - Диаграмма Я-образа женщин-полицейских. Какая Я?

Содержанием личностных нейтральных характеристик являются «доброта» (24,3%), «здоровье» (20,3%), «интеллектуальный аспект» / «ум» (18,3%), «эгоистичность» (17,9%), «внимательность» (15,4%), «злая»/«раздраженная» (15,1%), «справедливость» (13,2%), «терпеливость» (14,8%), «усталость» (9,8%). Среди феминных характеристик преобладает эстетическая составляющая («красота», «привлекательность») – 59 упоминаний, что составляет 68,6% от общей выборки женщин-полицейских, что говорит о высокой значимости. Значимо представленными оказались аффективные (эмоциональные) составляющие: «вспыльчивость» (7,8%), «капризность» (6,3%), «доверчивость» (5,4%), «непостоянность»/«импульсивность» (3,1%).

Примечательно, что характеристики, связанные с феминной идентификацией – женственностью («я женственная», «женщина»), у сотрудниц полиции не оказались значимо проявленными. Также не нашли более полного представления характеристики, связанные с традиционными женскими семейными ролями («замужество»/«жена», «материнство», «сестринство» и иные родственные связи). У женщин-полицейских они составляют лишь 9,3% от всей выборки и связаны, как правило, с детьми. В описании маскулинных характеристик женщин-полицейских доминировали «сильная» (48,8%), «независимая» (21,4%), «энергичная» (15,4%), «работоспособная»/«трудолюбивая» (9,8%), «волевая» (8,9%), «целеустремленная» (6,7%). Полагаем, что выработка данных качеств способствует адаптации и самореализации женщин в рамках силовых структур, а также служит залогом возможности проходить службу, исполнения должностных инструкций и обязанностей сотрудника органов внутренних дел.

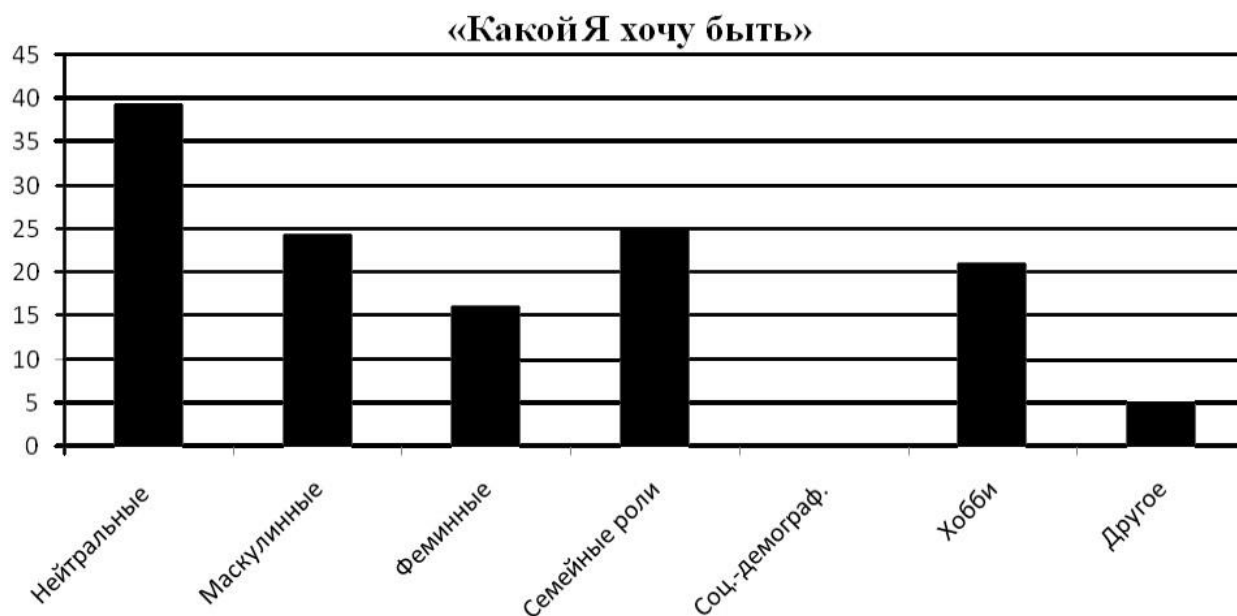

Рисунок 2 - Диаграмма Я-образа женщин-полицейских. Какой Я хочу быть?

В ходе анализа представлений женщин-полицейских «Какой Я хочу быть?» было выявлено, что 39,4% описывают себя в личностных нейтральных категориях, 24,3% – в маскулинных, 16,1% – в феминных. В представлении себя в будущем преобладают материально-эмоциональные характеристики: «счастливая» (34,7%), «материально обеспеченная» / «богатая» / «в достатке» (31,3%), «творческая» (21,6%), «добрая» (16,7%), «самодостаточная» (9,3%), «спокойная» (5,9%), «веселая» (4,7%), «отдохнувшая» (3,3%). В проявленных маскулинных представлениях преобладают категории «сильная» (46,8%), «устойчивая» (31,8%), «решительная» (21,8%), «логичная» (15,4%), «волевая» (8,9%), «целеустремленная» (6,7%), а также «более серьезная», «более категоричная», что скорее всего связано со спецификой их профессиональной деятельности. В свою очередь, среди феминных представлений женщин-полицейских более значима эстетическая составляющая: «красота», «привлекательность», «молодость», «ухаживенность», «стройность», «сексуальность» (74,1%). Эмоциональная составляющая – «любимая» (54,6%), «менее эмоциональная» / «более или просто спокойная» (18,8%), «доверчивая» (15,1%). Семейная сфера в представлениях женщин-полицейских показывает желание быть в ней более успешной и состоявшейся (15,6%). «Хобби» представлено у 21,1% женщин-полицейских желанием путешествовать, заниматься спортом, творческой деятельностью.

На втором этапе работы мы исследовали характеристики Я-образа женщин, работающих вне силовых структур. Полученные данные представлены на рис. 3.

В самоописании Я-образа женщин, не служащих в полиции, также преобладают нейтральные категории (43,2%) по сравнению с проявлением феминных (21,7%) и маскулинных (15,6%) категорий. Среди нейтральных самоописаний преобладают коммуникативные и отражающие особенности отношений в общении: «отзывчивая» (28,1%), «доверчивая» (15,1%), «ответственная» (11,7%), «общительная»/«коммуникабельная» (9,7%), «ленивая» (9,8%), «эгоистичная» (7,4%). Среди феминных характеристик «Какая Я» преобладает эстетическая

составляющая – «красота», «привлекательность» (60,4%), а также эмоциональная: «добрая» (37,1%), «любимая»/«любящая» (30,2%), «счастливая» (23,1%), «интересная» (21,4%), «позитивная /веселая» (17,6%), «вспыльчивая» (13,1%), «чувственная» (15,6%), «нежная» (11,6%), «ранимая» (8,6%). Маскулинные самоописания репрезентируются как «сильная» (39,8%), «настойчивая» (27,7%), «решительная» (16,5%), «целеустремленная» (6,7%), «резкая» (5,4%), «упорная» (4,2%).

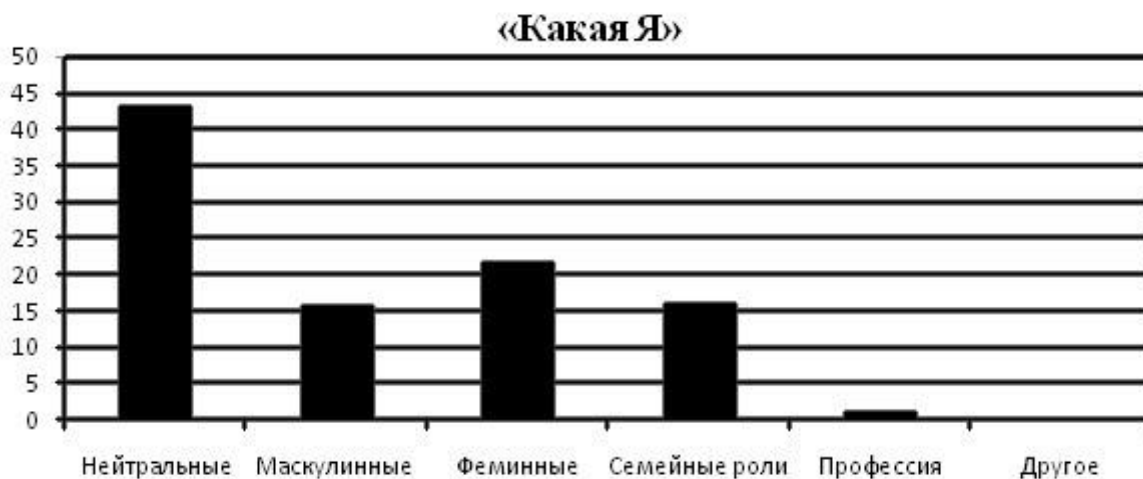

Рисунок 3 - Диаграмма Я-образа женщин, работающих вне силовых структур. Какая Я?

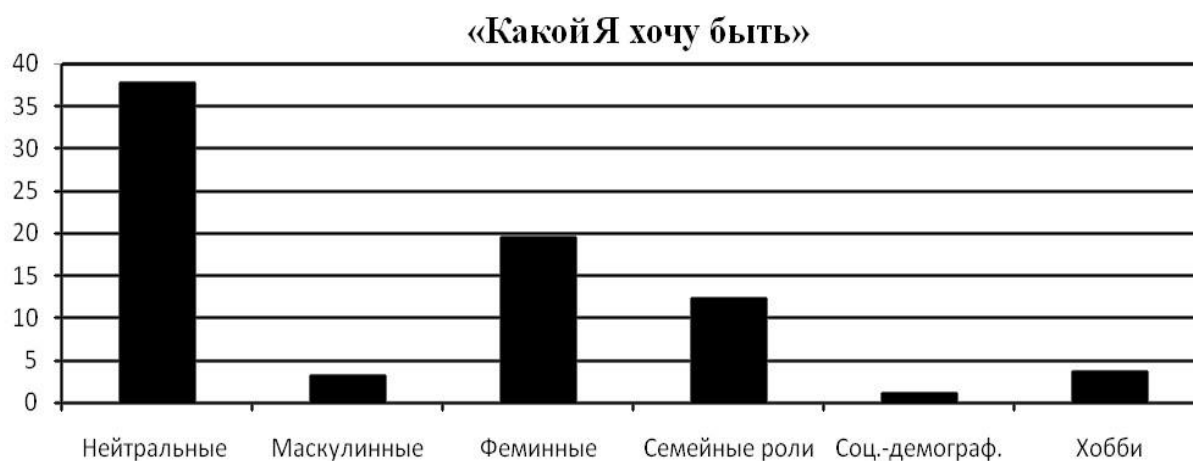

Рисунок 4 - Диаграмма Я-образа женщин, работающих вне силовых структур. Какой Я хочу быть?

В ходе исследования представлений «Какой я хочу быть» у женщин, работающих вне силовых структур, выявлено, что 37,8% описывают себя в нейтральных категориях, 25,6% – в феминных, 19,5% – в маскулинных. Содержанием нейтральных категорий идеального Я-образа в основном является «богатство»/«достаток»/«обеспеченность» (48,8%). Примечательна

тенденция к смещению представлений о составляющих идеального Я-образа. Респонденты в видении себя в будущем уже меньшее значения придают таким компонентам, как «счастье» (41,4%), здоровье (24,9%), «успешность» (21,1%), «признание»/«интеллектуальная»/«начитанная»/«умная» (17,8%), «творчество»/«креативность» (15,2%), «интересы» (7,7%). Таким образом, представления «Какой я хочу быть?» у женщин, работающих вне силовых структур, и у сотрудниц полиции практически совпадают. Среди феминных представлений также преобладают «красота», «привлекательность» (53,1%), «любимая»/«любящая» (30,2%), «гибкость» (14,7%), «нежность» (11,6%), «женственность» (8,6%), «спокойная»/«расслабленная» (5,2%), «легкая»/«беззаботная» (5,1%). Семейно-ролевая составляющая (жена, мать, сестра) актуальна для 12,3%. Маскулинные составляющие идеального Я-образа представлены такими определениями, как «сильная» (41,7%), «решительная» (34,6%), «независимая»/«самостоятельная» (21,8%), «целеустремленная» (17,5%), «резкая» (9,4%), «упорная» (5,3%).

Для выявления различий Я-образа женщин, работающих вне силовых структур, и женщин-полицейских использовался Психометрический тест Е.И. Гарбера и В.В. Козачи. С целью статистического анализа полученных данных нами использовался критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера. Результаты проведенного анализа данных представлены на рис. 4.

Таблица 1 - Различия Я-образа женщин, работающих вне силовых структур и женщин полицейских, при идентификации с фигурами разного вида

Исследуемая категория	1, 2 позиция фигур		Значения углового преобразования Фишера ($\phi^* = - эмп.$)	Уровень значимости различий
	Женщины-полицейские	Гражданские женщины		
Идентификация «Я женщина»				
Женские стратегии и тип поведения (круг)	59	57	0,915	Зона незначимости $\phi^* \leq 0.05$
Мужские стратегии и тип поведения (треугольник)	34	48	0,264	Зона незначимости $\phi^* \leq 0.05$
Идентификация «Я сотрудник полиции/ своей организации»				
Женские стратегии и тип поведения (круг)	29	49	1,182	Зона незначимости $\phi^* \leq 0.05$
<i>Мужские стратегии и тип поведения треугольник</i>	<i>51</i>	<i>23</i>	<i>2,641</i>	<i>Зона значимости $\phi^* \geq 0.01$</i>

Результаты свидетельствуют о том, что доля женщин-полицейских, использующих поведение и стратегии мужского типа при идентификации с образом «Я сотрудник полиции», значимо больше, чем в сопоставимой выборке женщин с идентификацией «Я сотрудник своей организации» вне силовых структур». При этом женщины-полицейские описывают свое реальное и идеальное Я больше в рамках маскулинных компонентов, нежели гражданские женщины. У женщин-полицейских гораздо менее проявлены связи с традиционными женскими

ролями в семейной сфере (в отличие от Я-образа гражданских женщин, где данные представления более выражены).

Заключение

Полученные данные свидетельствуют о процессе нивелировки граней между мужским и женским в структуре психики личности, что закономерно при размывании традиционного гендерного Я-образа как у женщин, проходящих службу в полиции, так и в целом у современных женщин. Современное информационное пространство, в котором формируется Я-образ успешной современной женщины, усиливает тенденцию к тому, что все большее количество женщин реализуют себя в рамках профессий, традиционно относящихся к мужским. Особенно четкое отражение этого феномена проявляется в трансформации Я-образа женщин-полицейских, а именно в изменении в сторону повышения маскулинных черт, которые на уровне осознаваемых представлений о себе уже не отграничиваются от феминных.

Такое изменение содержания представлений о себе, в ходе которого классические маскулинные черты начинают восприниматься женщинами-полицейскими как социально одобряемые и приемлемые феминные, может являться причиной как внутриличностного, так и разного рода полоролевых, социальных и организационных конфликтов. Учитывая гендерную трансформацию компонентов Я-образа женщин-полицейских в процессе служебной деятельности, психологические службы органов внутренних дел должны принимать во внимание данную тенденцию при проведении психодиагностической, психотерапевтической и психокоррекционной работы с сотрудниками.

Библиография

1. Барашева Д.Е., Мартыненко Е.О. Проблема гендерной идентификации личности сотрудника ОВД. URL: <https://pandia.ru/text/80/394/1747.php>
2. Более четверти служащих МВД в России – женщины. URL: https://news.rambler.ru/crime/43726250/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
3. Воронова А.В. Гендерная психология: некоторые проблемы и перспективы // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 139-146.
4. Воронцов Д.В. Гендерная психология общения. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2008. 208 с.
5. Гарбер Е.И., Козача В.В. Психометрическое тестирование (теоретический и практический аспекты). Саратов: Научная книга, 1999. 70 с.
6. Гредновская Е.В. Кризис гендерной идентичности: дискурсы и практики: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2007. 26 с.
7. Гуревич К.М., Борисова Е.М. Психологическая диагностика. М.: УРАО, 1997. 304 с.
8. Данилов И. «Американский век» умер. Его убил Путин. URL: <https://ria.ru/20180313/1516189930.html>
9. Занина Т.М., Петранцов А.С. Зарубежный опыт организации и правового регулирования службы женщин в полиции // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 4. С. 30-33.
10. Роджерс К. О становлении личностью. Психотерапия глазами психотерапевта. М.: Прогресс, 1994. 251 с.
11. Сорокин А. В горящую избу вошли... О мобилизации женщин на разных этапах Великой Отечественной войны. URL: <https://rg.ru/2015/12/22/rodina-mobilizaciya.html>
12. Gender Recognition Act 2004. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Gender_Recognition_Act_2004
13. Stoller R. Sex and gender. New York: Science House, 1968. 383 p.

Female employees of internal affairs bodies: on the gender transformation of the self-image

Tat'yana V. Filippova

Senior Psychologist,
Department of psychological support of the Penal Inspection of the Directorate of the Federal
Penitentiary Service of the Russian Federation in the Voronezh region,
394049, 101b Pabochy av., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: Tatian.2010@yandex.ru

Viktor V. Ermolaev

PhD in Psychology,
Associate Professor at the Department of the psychology of labour and psychological counselling,
Moscow State Pedagogical University,
119991, 1/1 Malaya Pirogovskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: evv21@mail.ru

Abstract

The article aims to study the gender transformation of the self-image of female employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. It pays attention to the fact that an increasing number of women realise themselves in professional spheres that traditionally refer to male ones including the police service. The authors of the article make an attempt to carry out an analysis of historical and socio-psychological preconditions for the service of women in the police. The article presents the results of the research on the peculiarities of the self-image of female employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation and points out that there exists the problem of the transformation of gender-role behaviour and stereotypes connected with it, which is reflected in levelling the borders between the male and the female in the structure of their psyche. The results of studying of the self-image of female employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation and women that work in other spheres demonstrate the tendency of the gender transformation of a female image and inherent gender-role constructs. Female police officers are less predisposed to identify themselves with the traditional female components of the self-image, especially in professional activities.

For citation

Filippova T.V., Ermolaev V.V. (2020) Zhenshchiny – sotrudniki organov vnutrennikh del: k voprosu gendernoi transformatsii Ya-obraza [Female employees of internal affairs bodies: on the gender transformation of the self-image]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 9 (2A), pp. 107-117. DOI: 10.34670/AR.2020.80.42.012

Keywords

Internal affairs bodies, police, female police officers, gender transformation, self-image.

References

1. Barasheva D.E., Martynenko E.O. *Problema gendernoi identifikatsii lichnosti sotrudnika OVD* [The problem of gender identification of employees of internal affairs bodies]. Available at: <https://pandia.ru/text/80/394/1747.php> [Accessed 12/03/20].
2. *Bolee chetverti sluzhashchikh MVD v Rossii – zhenshchiny* [More than a quarter of employees of the Ministry of Internal Affairs in Russia are women]. Available at: [https://news.rambler.ru/crime/43726250/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink](https://news.rambler.ru/crime/43726250/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/crime/43726250/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink) [Accessed 12/03/20].
3. Danilov I. “*Amerikanskii vek*” umer. *Ego ubil Putin* [The “American century” is dead. It was killed by Putin]. Available at: <https://ria.ru/20180313/1516189930.html> [Accessed 12/03/20].
4. Garber E.I., Kozacha V.V. (1999) *Psikhogeometricheskoe testirovanie (teoreticheskii i prakticheskii aspekty)* [Psychometric testing (theoretical and practical aspects)]. Saratov: Nauchnaya kniga Publ.
5. *Gender Recognition Act 2004*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Gender_Recognition_Act_2004 [Accessed 12/03/20].
6. Grednovskaya E.V. (2007) *Krizis gendernoi identichnosti: diskursy i praktiki. Doct. Diss. Abstract* [The gender identity crisis: discourses and practices. Doct. Diss. Abstract]. Ekaterinburg.
7. Gurevich K.M., Borisova E.M. (1997) *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics]. Moscow: University of the Russian Academy of Education.
8. Rogers C. (1961) *On becoming a person: a therapist's view of psychotherapy*. (Russ. ed.: Rogers C. (1994) *O stanovlenii lichnost'yu. Psikhoterapiya glazami psikhoterapevta*. Moscow: Progress Publ.)
9. Sorokin A. *V goryashchuyu izbu voshli... O mobilizatsii zhenshchin na raznykh etapakh Velikoi Otechestvennoi voiny* [They entered the burning hut... On the mobilisation of women at different stages of the Great Patriotic War]. Available at: <https://rg.ru/2015/12/22/rodina-mobilizaciya.html> [Accessed 12/03/20].
10. Stoller R. (1968) *Sex and gender*. New York: Science House.
11. Voronova A.V. (2018) Gendernaya psikhologiya: nekotorye problemy i perspektivy [Gender psychology: some problems and prospects]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl pedagogical bulletin], 1, pp. 139-146.
12. Vorontsov D.V. (2008) *Gendernaya psikhologiya obshcheniya* [Gender psychology of communication]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.
13. Zanina T.M., Petrantsov A.S. (2015) Zarubezhnyi opyt organizatsii i pravovogo regulirovaniya sluzhby zhenshchin v politsii [Foreign experience in the organisation and legal regulation of women's service in the police]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 4, pp. 30-33.